

А. Т. АВЕРЧЕНКО

Я разговариваю с Керенским

В апреле этого года я получил от одного из приятелей ценный подарок, портрет А. Ф. Керенского под стеклом.

Я тепло поблагодарил и поставил портрет на почетное место, — на пианино.

Но, — странные вещи происходят с этим портретом: начиная с въезда большевиков в особняк Ксеншинской, этот портрет упорно поворачивается лицом к стене, — а ко мне — тылом, и в последнее время, — все чаще и чаще.

Я не верю в чудеса и на окружающее смотрю трезвыми глазами: конечно, портрет не сам поворачивается лицом к стене и тыловой частью к зрителю. Его поворачивают некоторые из гостей, приходящих ко мне.

Мне ни разу не удалось застать кого-либо на месте преступления. Но если в моем кабинете сидят 4–5 человек, и я на минуту вышел в столовую — можете быть уверены — портрет повернут лицом к стене.

Очень хочу, чтобы эти тихие, короткие беспристрастные строки прочел сам А. Ф. Керенский и вместе со мной призадумался над историей с портретом.

Сядьте около меня, Александр Федорович, я вам что-то скажу.

Давайте побеседуем тихо, мирно, без криков, угроз, как обыкновенный писатель с обыкновенным адвокатом, как простой адвокат с простым писателем.

Ведь у меня, у писателя, большая симпатия к адвокатскому словию... сколько раз я попадался в нескромном желании свергнуть царский режим и сколько раз милая благородная адвокатура выпутывала меня из беды.

Замечательный народ, право.

Ну, так вот, мой дорогой министр-председатель...

— Александр Федорович! как вы думаете, — те вздорные мелочные люди, которые злорадно и мстительно поворачивают ваш портрет лицом к стене, — контрреволюционеры или нет?

Конечно, нет. У меня контрреволюционеров не бывает. Я за своих гостей вот как — головой ручаюсь: это те самые люди, которые 28 февраля ходили именинниками, подпевали Марсельезе и, вздев (совершенно искренне) красные банты на грудь, лобызались с солдатами, как с архангелами-прозовестниками нового счастья и новой славы свободной России.

Один из этих восторженных людей и подарил мне ваш портрет, Александр Федорович. А знаете, я не поручусь, что это именно не он поворачивает теперь втихомолку ваш портрет к стене.

Конечно, и другие поворачивают, но я подозреваю, что и его рука изредка непочтительно прикасается к вашему изображению.

Пустяк, Александр Федорович, а ведь симптоматичный пустяк.

Было, значит, что-то такое, что в марте и апреле заставило этих людей говорить о вас, захлебываясь от восторга, потом пришло что-то, что в мае и июне заставило их сжаться, притихнуть и взирать на вас уже молча не восторженным, а просто выжидательным взором, и случилось же что-то, что теперь заставляет их при вашем имени презрительно морщиться и цедить сквозь зубы: «слякоть (простите, привожу единственно для характеристики положения), размазня, мямля, пустой говорун, безвольная мельница».

А ну, Александр Федорович, спросим честно: кто изменился, — они, эти люди, или вы?

Честно, только честно, милый Александр Федорович, скажу: изменились сначала вы, а потом, конечно, уже вслед за вами и они.

С них что взять, — они обыватели. А вот вы...

Признаться ли?

Иногда даже у меня является против вас глубокое бессильное возмущение: подсчитывали ли вы когда-нибудь, — сколько самых роскошных, самых замечательных вещей дала вам Россия авансом в самом начале вашей головокружительной карьеры: нежную любовь к вам, полное доверие, пылкие надежды, крепкие руки, спины и свежие головы дала вам страна.

— Нате, Керенский, стройте новую Россию! Распоряжайтесь, мы с вами и за вас.

И как вы, Александр Федорович, распорядились с этими сокровищами?

Голодная страна вручила вам как некоему замечательному повару лучшие свои продукты: рябчиков, цыплят, муку крупчатку, лучшие яйца, свежее масло, душистые яблоки и ананасы, — что вы из этого изготовили? Какое кушанье? Мутную болтушку для свиней, от которой голодная страна давится вот уже который месяц.

Искать ли виноватых во всей этой разрухе и развале?

Извольте — вы виноваты!

Говорю это с большой душевной болью, но... виноваты вы как главный ответственный повар той дьявольской интернационалистической кухни, которая чадит сейчас на весь мир...

С чего началось ваше падение? Большинство относит это к моменту занятия большевиками дома Ксешинской вашего перед ними расшаркивания.

Может быть, вы, адвокат, не знали, что надо было делать тогда? А я, писатель, знал: вызвать батальон верных вам войск и вышвырнуть всю эту гниль. Пусть бы особняк был даже разрушен до основания, чёрт с ним, пусть даже бы пролилась кровь! Тогда это были бы капли, а теперь льются из-за вашего топтания на одном месте потоки крови. Что лучше? Вы (какой стыд!) вели даже переговоры с жуликами, занявшими дом Лейхтенбергского, вместо того, чтобы смыть всю эту дрянь одним росчерком пера.

Вы и теперь такой же человек слабости, апологет нерешительности, апостол жалких полумер.

Вот вам пример: в Донецком бассейне анархия, шахтеры взбесились, не хотят работать, изгоняют хозяев рудников и служащих, диктуя такие условия заработка, что пуд угля будет стоить чуть ли не сто рублей.

От отсутствия угля воюющая Россия может погибнуть, — что же вы делаете, чтобы спасти ее, чтобы уничтожить разруху?

Вы, ваше правительство, решило, видите ли, послать особого комиссара.

Псу под хвост он нужен, ваш комиссар.

Не комиссара нужно этим дикарям без чести и совести, а две-три тысячи казаков с неограниченными для них полномочиями. Это говорю я — мирный, кроткий писатель.

Увидите, как хорошо в присутствии казаков заработает эта наглая, жадная, развращённая вашими же большевиками (ведь это вы допустили их в Россию) банда.

Удивительная вещь: вот я написал слово «казак», и я уверен, многие из читателей поморщатся: «О-о, опять казаки? Без казаков ни на шаг».

А что же, господа, — что же иное? Где другой выход? Не лгите себе и другим, не обманывайте, будьте честны, как и я, до конца... Ведь другого выхода нет!

Договаривайте! Наше спасение, спасение всей России только в казаках, в этих единственно благородных организованных защитниках революции и свободы.

А Керенский боится опереться на казаков, он опирается на комиссара.

Он и к большевикам послал «комиссара» для переговоров, и к анархистам с дачи Дурново.

Многие считают, что падение Керенского началось именно с этих смехотворных переговоров с поддонками России.

Я не согласен с этим.

Мое искренне мнение, что ваше падение, Александр Федорович, началось именно с того, казалось бы, умильного момента, когда вы в марте, приехав первый раз в министерство, поздоровались с курьером за руку.

Может быть, этот курьер был хороший, прямо-таки замечательный человек, но за чем вы с ним здоровались за руку?

Ему это нужно было? Нет. Вам? Для чего?

А вы пожали ему руку, и в этот момент раздался характерный всплеск: это впервые в России престиж власти шлепнулся в лужу.

Безумец вы! Разве может министр жать руку курьеру в той стране, где сотни лет все строилось на зуботычинах, начальственном окрике и начальнической фуражке с кокардой.

Должен же быть переход помягче... Человеку, голодавшему неделю, нельзя сразу дать пуд мяса. Обьестся и протянет ноги.

Да ответь вы только этому курьеру на поклон милостивым наклонением головы, — ведь он бы счастлив был! А пожали руку, — отчего же простодушному курьеру не пойти и дальше: не зайти к вам в кабинет, не присесть, не поболтать, не выкурить товарищескую папиросу.

Не спорю, пожатие руки курьеру жест красивый, оригинальный жест, о котором в свое время много говорили...

Но этот жест поплыл по всей России, причудливо меняя тона и окраску, извиваясь, гримасничая и хихикая.

И знаете, например, в каком виде он, благородный жест ваш, доплыл до Киева? (факт!)

Судили какого-то демократического человека... подсудимый на суд опоздал, — все судьи ждали его. А когда он явился и председатель суда спросил: «Где это он был так долго?» — то подсудимый ответил буквально так:

— А тебе какое дело?

Вот оно ваше пожатие руки курьеру... Во что оно вылилось через семь месяцев.

Старо. А верно: у нас в России или в морду, или руку пожалуйте, градации нет.

Конечно, морда уже отжила свой век, отпала, но и для «ручки» слишком рано. Приветливый кивок головы — вот что нужно было всероссийскому забитому курьеру.

Не спорю, вы можете возразить мне, Александр Федорович, что пожатие курьерской руки это просто присущая вам оригинальность, как была уже у Суворова оригинальная манера кричать петухом на заре, звонить на колокольне и прыгать через стулья, когда к нему приходили с докладом.

Верно. Но не забывайте, что за всем этим Суворов бы гениальный полководец и неоднократно вплетал пышные лавры в венок славы российской. А если бы все его деяния только и сводились к переругиванию через стулья и кукареканью, он не был бы так славен.

В вас же, Александр Федорович, заметна пока только первая половина Суворова, — вы хорошо перепрыгиваете чрез стулья и кричите петухом в угоду С. Р. и С. Д.

* * *

Послушайте, Александр Федорович... Я не хотел вас обидеть, ей Богу. И не будь вы сейчас у власти, мы, может быть, были бы большими друзьями. Мы оба одинаково любим Россию, но в то время, как вы пытаетесь слабой дрожащей рукой опереться на дряблкое плечо комиссара, я и иже со мной предпочитаем твердый, честный ствол революционной винтовки.

И если вы прислушаетесь к этому голосу людей, любящих Россию, то... может быть, ваш портрет и не будет перевернут лицом к стене.

